

РУССКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Литературные произведения нужны для выяснения жизненной истины, а истина вовсе не однозначна». На страницах своих книг искали жизненную истину такие замечательные детские писатели, как В. Драгунский, Р. Погодин, В. Железников, А. Алексин, В. Крапивин, Ю. Яковлев, Ю. Коваль и другие. Интерес к миру детства разделяли авторы «взрослых» книг. Детское восприятие, свободное от фальши, служило в их произведениях критерием для оценки людей и жизненных явлений.

«Героем» детской литературы 1960-80-х гг. оказывается не только ребенок, но и мир детства в его своеобразии. Детские годы изображаются как время серьезных поступков, определяющих личность человека.

Процесс понимания, как и процесс взросления, всегда не прост, и Р. Погодин не торопится «выпрямлять» его. Поэтому его герои часто совершают неприглядные поступки – это естественные этапы духовного роста. В рассказе «Что у Сеньки было» (1969) пятилетний Сенька решает уйти из дома, когда у него появилась новорожденная сестра. Мальчику кажется, что эта «нахалка» заняла его место в мире и отняла любовь окружающих. Но когда Сенька поднялся на холм, оказавшийся на его пути, он увидел не только родную деревню, но и прекрасный «огромный» мир за ее пределами. Открытие этого мира стало возможным для мальчика благодаря появлению младшей сестры. «Ух-ты, - подумал он, - куда от такой земли уйдешь, если она моя! И мамка моя, и отец, и сестренка, и все люди-соседи, и птицы пролетные, и птицы оседлые – все мои». Рассказ Погодина близок к притче, повествующей о духовном взрослении человека. Обретение зрелости связывается писателем с осознанием принадлежности к родной земле и зарождением чувства любви к ней.

До бугра Сенька за свою жизнь ни разу не добирался и ни разу на него не всходил.

Поднимается Сенька еще выше.

А земля становится все шире.

А когда Сенька поднялся на самый верх, стало ему далеко видно вокруг. И сомкнулся тогда Сенькин мир малый с большим миром и огромным, так как земля Сенькина уходила вдаль на необъятные расстояния.

Много на земле оказалось дорог, бежали они вдоль полей и бугров, уходили в леса и снова из лесов выходили. Видел Сенька большую деревню Засекино с колокольней и другие деревни, в которых не был ни разу и даже названий не знал.

А своя деревня Малявино лежала перед Сенькой вся открытая. Теленок от березы оторвался, убежал в колхозную рожь и скакал в ней, обалдев от свободы. Трактор уже поле пахал. И рядом с молодым трактористом Михаилом сидела красивая тетка Люба.

Вокруг разноцветные поля простирались. Где что поспело, овес ли, гречиха, у каждого свой цвет. А где еще доцветало голубым и розовым. Под бугром красный клевер, сверху плотный, как бархат. Березы-тонконожки у озера. Темный орешник. Бледная, как зеленый дымок, малина на старом пожарище возле болота.

Деревенские жители кто на лошади сено возит, кто граблями работает, кто с коровами. Всех сверху увидел Сенька. И поезд увидел, что идет за лесом. Даже город дальний на горизонте.

Увидел еще своего пса Яшу — скучный лежит возле будки, почуял Сенькино отсутствие. Некого ему в нос лизнуть, некому показать свою верность.

На верхушке бугра — некоторые Сеньке по пояс, некоторые до плеч — торчали в траве да во мху каменные кресты старинные, память о древних пахарях-воинах, которые подняли эту землю первыми.

От своей земли, от ее прекрасного широкого вида почувствовал Сенька в сердце тепло.

«Ух ты, — подумал он, — куда от такой земли уйдешь, если она моя! И мамка моя, и отец, и сестренка, и все люди-соседи, и птицы пролетные, и птицы оседлые — все мои. И старый дед Савельев, и совсем старая бабка Вера. Потому мои, что я ихний». Подумал Сенька еще, что делить это ему ни с кем не нужно — неделимое оно. У каждого оно свое, хоть и одно и то же.

Долго стоял на бугре Сенька среди изъеденных годами старинных крестов.

— И кресты мои, — сказал он.

В рассказах известного писателя В.Астафьева (1924-2002) ребенок изображен в тесной связи с традиционным укладом национальной жизни. В произведениях Астафьева это, как правило, жизнь сибиряков (сказались биографические корни писателя, который родом из Красноярского края).

Маленький Васютка в рассказе «Васюткино озеро» (1956) заблудился в тайге, но не погиб в таежном лесу, а сумел после нескольких дней странствий найти дорогу домой. Помогли ребенку сибирский характер и хорошее знание таежных законов, которым обучили мальчика отец и мать. Когда Васютка отказывался следовать принятым среди сибиряков правилам, то мать строго говорила сыну: «Мал еще таежные законы переиначивать». Странствия мальчика по тайге полны драматических испытаний, но в каждом из них раскрывается твердый характер человека, выросшего на сибирской земле. При этом писатель внимателен ко всем подробностям жизни в тайге: как мальчик охотился, готовил еду и устраивал ночевку. Эти детали из области практической жизни привлекательны для ребенка-читателя и создают ощущение достоверности происходящего.

В лесу сделалось совсем тихо. Васютка остановился и долго стоял прислушиваясь. Тук-тук-тук, тук-тук-тук... — билось сердце. Потом напряжённый до предела слух Васютки уловил какой-то странный звук. Где-то слышалось жужжание. Вот оно замерло и через секунду снова донеслось, как гудение далёкого самолёта. Васютка нагнулся и увидел у ног своих истлевшую тушку птицы. Опытный охотник — паук растянул над мёртвой птичкой паутину. Паука уже нет — убрался, должно быть, зимовать в какое-нибудь дупло, а ловушку бросил. Попалась в неё сытая, крупная муха-плевок и бьётся, бьётся, жужжит слабеющими крыльями. Что-то начало беспокоить Васютку при виде беспомощной мухи, влипшей в тенёта. И тут его будто стукнуло: да ведь он заблудился!

Открытие это было настолько простым и потрясающим, что Васютка не сразу пришёл в себя.

Он много раз слышал от охотников страшные рассказы о том, как блуждают люди в лесу и погибают иногда, но представлял это совсем не так. Уж очень просто всё получилось. Васютка ещё не знал, что страшное в жизни часто начинается очень просто.

Оцепенение длилось до тех пор, пока Васютка не услышал какой-то таинственный шорох к глубине потемневшего леса. Он вскрикнул и бросился бежать. Сколько раз он

спотыкался, падал, вставал и снова бежал, Васютка не знал. Наконец он заскочил в бурелом и начал с треском продираться сквозь сухие колючие ветви. Потом упал с валежин вниз лицом в сырой мох и замер. Отчаяние охватило его, и сразу не стало сил. «Будь что будет», — отрешённо подумал он.

В лес бесшумно, как сова, прилетела ночь. А с нею и холод. Васютка почувствовал, как стынет взмокшая от пота одежда.

«Тайга, наша кормилица, хлипких не любит!» — вспомнились ему слова отца и дедушки. И он стал припоминать всё, чему его учили, что знал из рассказов рыбаков и охотников. Перво-наперво надо развести огонь. Ладно, что спички захватил из дому. Пригодились спички.

Васютка обломал нижние сухие ветки у дерева, оцупью сорвал пучок сухого мха-бородача, искрошил мелко сучки, сложил всё в кучку и поджёг. Огонёк, покачиваясь, неуверенно пополз по сучкам. Мох вспыхнул — вокруг посветлело. Васютка подбросил ещё веток. Между деревьями зашарахались тени, темнота отступила подальше. Монотонно зудя, на огонь налетело несколько комаров — веселее с ними.

Надо было запастись на ночь дровами. Васютка, не щадя рук, наломал сучьев, приволок сухую валежину, выворотил старый пенёк. Вытащив из мешка краюшку хлеба, вздохнул и с тоской подумал: «Плачет, поди, мамка». Ему тоже захотелось плакать, но он переборол себя и, оцупав глухаря, начал перочинным ножиком потрошить его. Потом сгрёб костёр в сторону, на горячем месте выкопал ямку и положил туда птицу. Плотно закрыв её мхом, присыпал горячей землёй, золой, углями, сверху положил пылающие головни и подбросил дров.

Особую группу в детской литературе составляют юмористические рассказы из детской жизни. У каждого писателя свое представление о комическом и его месте в художественном произведении. В рассказах Н.Носова, Ю.Сотника и В.Медведева юмор близок к карикатуре, а иногда и к сатире, в юмористических рассказах В.Драгунского и И.Пивоваровой немало лирических эпизодов, а комические миниатюры В.Голявкина близки к юмору абсурда.

В советской детской литературе середины 20 века образцом юмора считалась проза Н.Носова. Этот популярный писатель был автором не только смешных рассказов, но и юмористических повестей. Правда, юмор в них особый. Дело в том, что комические происшествия в произведениях Носова часто совершаются под лозунгом серьезного дела: школьники устраивают инкубатор («Веселая семейка», 1949), сооружают каток («Наш каток», 1951), вскапывают огород («Огородники», 1945). Практические умения и коллективная работа широко пропагандировались в детской литературе, и проблематика рассказов Носова отвечала запросам своего времени. Это отразилось и в характере персонажей - детей активных и вполне серьезных, несмотря на комизм ситуаций, в которых они оказываются. При таком серьезном восприятии детства Носов изобретателен на остроумные шутки и смешные положения. Лучше всего удавались писателю комические диалоги, в которых путаются слова, искажается их смысл или заменяется звуковой игрой (такая остроумная игра есть в рассказе «Телефон», где дети безуспешно пытаются договориться по испорченному телефону).

Забавны многие сценки, похожие на эстрадные номера юмористов (так, Мишка в рассказе «Щенок» не к месту читает стихи, стараясь отвлечь внимание пассажиров от визга спрятанного щенка). В основе сюжетов носовских рассказов - комические ситуации, которые сопровождаются непредвиденными происшествиями и завершаются неожиданными развязками. Например, страшный разбойник, напугавший детей в рассказе «Тук-тук-тук», оказался вороной, клевавшей на крыльце ягоды. И в каждом таком случае есть много преувеличенного и карикатурного, привносящего в юмористический рассказ нечто фантастическое. Так, каша, которую варит Мишка, чудесным образом пухнет и лезет из кастрюли, как в народной сказке про горшочек каши («Мишкина каша»), шляпа, под которой укрылся котенок, в глазах детей становится живой и ползет («Живая шляпа»), а из самодельных бенгальских огней получается фантастический фейерверк («Бенгальские огни»). Фантастическая история разыгрывается в остроумном рассказе «Бобик в гостях у Барбоса», в котором животные, подобно басенным персонажам, комично подражают людям. Простота ситуаций и характеров, а также наглядность жизненных уроков, сделали рассказы Носова популярными в детском чтении («Ступеньки», «На горке» и др.).

Предметом насмешки в юмористических рассказах служат распространенные детские грехи – лень, трусость, желание прихвастнуть и нежелание учиться. Именно они приводят к плачевному для героя результату.

Но, как правило, детские писатели предпочитают героев, наделенных не только недостатками, но и достоинствами, главное из которых - деятельная активность. Таким персонажам не свойственны раздумья и переживания, зато они переполнены идеями и планами (комические проблемы возникают при их осуществлении). Подобный тип героя мы находим в рассказах Н.Носова, Ю.Сотника, В.Медведева.

Рассказы В.Драгунского

По-новому возможности юмористического жанра раскрылись под пером В.Драгунского (1913-1972). Его рассказы о Дениске появились в самом начале

1960-х годов (первый сборник вышел в 1961 году под названием «Он живой и светится») и продолжали создаваться писателем в течение нескольких лет.

Свои рассказы В. Драгунский не объединял в цикл, но сюжетные и тематические связи между ними есть. Ощущение единства создает образ центрального персонажа - Дениски Кораблева (поэтому все произведения Драгунского часто объединяют одним названием «Денискины рассказы»).

Не только Дениска, но и другие персонажи переходят из рассказа в рассказ – это папа и мама Дениски, его друзья, знакомые, учителя. Ощущение единства в «Денискиных рассказах» поддерживается также формой повествования, которое ведется от лица самого Дениски.

Возраст героя в рассказах остается неизменным – это младший школьник, и «взрослеть» своему герою писатель не дает. Драгунский остроумно воссоздает характерные особенности детской речи, ее эмоциональность и своеобразную логику. Но в то же время он не ставит перед собой задачу

воспроизвести речь и мышление ребенка определенного возраста – писателя больше занимает внутренний мир мальчика, не сводимый к возрастным

особенностям. Зато принципиальны «общедетские» доверчивость и непосредственность, задающие тон всему повествованию. Дениска в рассказах

Драгунского высказывается всегда очень искренне и свободно, без оглядки

на взрослую, «чужую» для него точку зрения. Это касается как самой манеры разговора, так и его содержания. «Чего я люблю» и «...И чего не люблю!» - два знаменитых рассказа Драгунского, в названии которых на первое место выдвинуто собственное мнение ребенка (а в «отрицательном» случае оно еще и подчеркнуто восклицательным знаком). Это утверждается в перечислении того, что любит и чего не любит Дениска. «Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как белье на заборе. Еще я очень люблю играть в шашки, шахматы и домино, только чтобы обязательно выигрывать. Если не выигрывать, тогда не надо». Денискины «люблю»-«не люблю» часто полемичны по отношению к предписаниям взрослых («Когда я бегаю по коридору, то люблю изо всех сил топтать ногами» или «Очень не люблю, что по радио мальчишки и девчонки горят старушечьими голосами»), но герой Драгунского словно не догадывается об этом, простодушно делясь с читателем. В образе Дениски много типично детского: это наивность, склонность к выдумке и фантазии, иногда простодушный эгоизм. Свойственные детскому возрасту «промахи» оказываются предметом юмора и шуток, как всегда бывает в юмористическом рассказе. С другой стороны, в герое Драгунского есть черты, которые свидетельствуют о вполне сложившейся личности – Дениска решительно

противится всякой фальши, он восприимчив к красоте, ценит доброту. Это дало право критикам увидеть в образе главного героя автобиографические черты самого Драгунского.

Сочетание лирического и комического – главная особенность рассказов В. Драгунского о Дениске. Содержание «Денискиных рассказов» связано с происшествиями из обычной жизни ребенка – это случаи на уроках, домашние заботы, игры с друзьями во дворе, походы в театр и цирк. Но их обычность только кажущаяся – комическое преувеличение обязательно присутствует в рассказе.

Что я люблю

Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как белье на заборе. Еще я очень люблю играть в шашки, шахматы и домино, только чтобы обязательно выигрывать. Если не выигрывать, тогда не надо.

Я люблю слушать, как жук копается в коробочке. И люблю в выходной день утром залезать к папе в кровать, чтобы поговорить с ним о собаке: как мы будем жить просторней, и купим собаку, и будем с ней заниматься, и будем ее кормить, и какая она будет потешная и умная, и как она будет воровать сахар, а я буду за нею сам вытирать лужицы, и она будет ходить за мной, как верный пес.

Я люблю также смотреть телевизор: все равно, что показывают, пусть даже только одни таблицы.

Я люблю дышать носом маме в ушко. Особенно я люблю петь и всегда пою очень громко.

... и чего не люблю!

Чего не люблю, так это лечить зубы. Как увижу зубное кресло, сразу хочется убежать на край света. Еще не люблю, когда приходят гости, вставать на стул и читать стихи.

Не люблю, когда папа с мамой уходят в театр.

Терпеть не могу яйца всмятку, когда их взбалтывают в стакане, накрошат туда хлеба и заставляют есть.

Еще не люблю, когда мама идет со мной погулять и вдруг встречает тетю Розу!

Они тогда разговаривают только друг с дружкой, а я просто не знаю, чем бы заняться.

Не люблю ходить в новом костюме – я в нем как деревянный.

Рассказы В.Голявкина

Своеобразное сочетание лирики и юмора мы встречаем в прозе В.Голявкина (1929-2000). Сборники его рассказов и повестей начали выходить в конце 1950–начале 60-х годов (книги «Тетрадки под дождем», 1959 и «Наши с Вовкой разговоры», 1960). Голявкин пришел в литературу со своими представлениями о возможностях юмористического письма.

В рассказе «Тетрадки под дождем» два школьника решили сбежать с урока, но успели только спустить за окно портфели, как прозвенел звонок. Тетрадки с выполненным домашним заданием оказались под дождем. Вот как дети обсуждают сложившееся положение:

«Марик записку мне пишет: «Пропали наши тетрадки».

Я ему отвечаю: «Пропали наши тетрадки».

Он мне пишет: «Что делать будем?»

Я ему отвечаю: «Что делать будем?»

Ответы повторяют вопросы, усиливая безвыходность ситуации. Эта безвыходность достигает апогея во время разговора с учителем.

«- Ты не заболел ли случайно?»

- Заболел, - говорю.

- А с домашним заданием как?»

- Хорошо с домашним заданием.

Учитель подходит ко мне.

- А ну, покажи тетрадку.

Я молчу.

- Придется тебе поставить двойку.

Он открывает журнал и ставит мне двойку, а я думаю о своей тетрадке, которая мокнет сейчас под дождем.

Поставил учитель мне двойку и спокойно так говорит:

- Какой-то сегодня ты странный...».

Странный не ученик, а сама ситуация, в которой он оказался,— за сделанное домашнее задание приходится получать двойку. Налицо полная бессмыслица, абсурд, и порождает его сама школьная жизнь, где строго определены «правила игры», а дети, в силу возраста, а иногда и характера, их постоянно нарушают.